ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1891 г.

См. слѣд. стр.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XLIV

1891

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1891

ИСТОРІЯ ОДНОГО ПИСЬМА.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

МОЛОДОСТЬ я провела среди простыхъ, добрыхъ людей, съ наивными подругами, или въ домахъ семейныхъ, гдѣ я учила ребятишекъ, гдѣ слово подлость рѣдко слышалось, и примѣнялось развѣ къ поступкамъ плохой прислуги; гдѣ добродѣтельные супруги примѣромъ и словами внушали правила нравственности своему потомству, и гдѣ, имѣя дѣло съ неиспорченными, милыми дѣтьми, я прикасалась къ нимъ хорошими сторонами своей натуры, не проявляя и не зная за собой дурныхъ сторонъ.

Зависть, злоба, коварство и всѣ семь смертныхъ грѣховъ извѣстны были мнѣ только по книгамъ, которыхъ много я прочла еще до вступленія въ жизнь, въ институтѣ, при чемъ проникласъ глубочайшимъ уваженіемъ къ печати, составивъ себѣ понятіе о каждомъ писателѣ, какъ объ олицетвореніи ума и благородства. Щедрость, великодушіе, самотверженность, лежали, по моему глубокому убѣжденію, въ основѣ человѣческихъ характеровъ, изученныхъ по книгамъ, и съ этимъ міросозерцаніемъ, конечно, прожила бы я до самой смерти, еслибы не приходилось мнѣ время отъ времени сталкиваться съ рекомендательными конторами, эксплуатирующими непрактичность и молодость учительницъ, гибнувшихъ помимо конторъ и отъ другихъ общественныхъ условій. Я не могла равнодушно относиться къ отрицательнымъ сторонамъ жизни, и вотъ, однажды, почти противъ воли, я принялась писать, охваченная едва сознаваемымъ, но непобѣдимымъ чувствомъ долга. И, будучи далека отъ мысли, что мое писаніе можетъ быть годно

для печати, я рѣшила предложить его какъ матеріалъ какому-нибудь извѣстному литератору. Моей постоянной мечтой было увидѣть хоть одного изъ знаменитыхъ писателей, имена которыхъ я съ благоговеніемъ произносила, а потому, не откладывая въ долгій ящикъ своего рѣшенія, я повезла свою рукопись изъ Москвы въ Петербургъ прямо въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ». Тамъ я поговорила съ Салтыковымъ, и видѣла его сотрудниковъ, и то, что̀ вслѣдъ за тѣмъ со мной произошло, превосходитъ самыя грандіозныя мечты самыхъ смѣлыхъ мечтателей моего пошиба. Салтыковъ похвалилъ мое сочиненіе и взялся его напечатать.

Первымъ моимъ побужденіемъ было излить передъ кѣмъ-нибудь душившую меня радость. Въ Петербургѣ были у меня знакомые, съ которыми я очень давно не видѣлась, и вотъ, не предупредивъ ихъ о своемъ пріѣздѣ, я полетѣла къ нимъ, въ своемъ экстазѣ утративъ всякое соображеніе о томъ, что̀ принято и что̀ не принято, что̀ могутъ обо мнѣ подумать и сказать. Я ворвалась къ нимъ безъ доклада, перескочила въ залъ черезъ стоявшую поперекъ дороги табуретку у рояля, и бросилась въ гостиной на шею изумленной, испуганной неожиданностью хозяйки.

— Я сотрудница «Отечественныхъ Записокъ»!

Подобное этому внезапное мое явленіе повторилось и въ другихъ домахъ, неприкосновенныхъ къ литературному міру, и такъ какъ знакомые мои не слѣдили за журналистикой, къ тому же и сочиненіе мое только черезъ три мѣсяца послѣ принятія должно было явиться въ печати, то начали меня жалѣть, и пошли слухи, что я помѣшалась, вообразивъ себя писательницей, да еще сотрудницей лучшаго журнала. А я, вернувшись въ Москву, хотя успокоилась, но продолжала удивлять своихъ знакомыхъ. Одна моя пріятельница по институту была замужемъ за интелигентнымъ человѣкомъ. И къ ней я пришла разсказать о своемъ сотрудничествѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Она смѣялась, принимая мои слова за шутку, и со смѣхомъ разрѣшила мнѣ вести на ея адресъ переписку съ редакціей.

Наконецъ, въ маѣ 1881 года, явилась моя повѣсть подъ заглавіемъ: «Передъ разсвѣтомъ» на первыхъ страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» и я получила отъ Салтыкова вотъ какое письмо:

«Я прочиталъ вашу повѣсть три раза (такова моя должность) и съ каждымъ разомъ все съ большимъ и большимъ удовольствіемъ. Я поистинѣ горжусь, что такая вещь напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ». Подобной правдивости и свѣжести давно въ русской литературѣ не бывало, и еслибъ вы были такъ любезны продолжать ваше сотрудничество въ нашемъ журналѣ, то это было бы въ высшей степени пріятно... Вновь благодарю васъ за высокое удовольствіе, доставленное вашимъ прелестнымъ трудомъ, и прошу вѣрить моей искренней преданности».

Само собою разумѣется, что самый хладнокровный человѣкъ, получивъ такое письмо, былъ бы въ восторгѣ, а я хладнокровіемъ не отличалась никогда.

Я всѣмъ показывала это письмо въ полной увѣренности, что доставляю удовольствіе, и что всѣ какъ нельзя болѣе довольны моимъ успѣхомъ. Знакомыхъ своихъ я любила и была увѣрена, что они мнѣ тѣмъ же отвѣчаютъ, что они радуются какъ за меня, такъ и за появленіе въ моемъ лицѣ новаго таланта въ дорогомъ отечествѣ.

По понятіямъ и характеру, я была, не смотря на тридцатилѣтній возростъ, институтка; а въ томъ, въ высокой степени счастливомъ возбужденіи, уподоблялась ребенку, получившему хорошую отмѣтку и торопящемуся подѣлиться радостью съ своими близкими, съ родными. Но родныхъ и близкихъ никого у меня не было.

Все лестное въ письмѣ Салтыкова я считала за утонченную форму привѣта и поощренія, принятую великимъ сатирикомъ, и только впослѣдствіи узнала, что онъ мнѣ сдѣлалъ одно изъ рѣдкихъ исключеній, что по свойственной ему крутости онъ говорилъ по большей части непріятное другимъ и, какъ редакторъ, былъ чрезвычайно строгъ въ выборѣ сотрудниковъ даже изъ числа составившихъ себѣ извѣстность литераторовъ. Понемногу я узнавала, что главной задачей почти каждаго литератора было стараніе удовлетворить въ своихъ работахъ требованіямъ Салтыкова и хоть одну изъ нихъ помѣстить въ «Отечественныхъ Запискахъ», хоть разъ напечатать свое имя въ этомъ журналѣ, что равнялось какъ бы патенту на признаніе таланта. Но вмѣсто того, чтобы гордиться, я жалѣла, что поздно начала писать, сомнѣвалась въ себѣ и пугалась новизны положенія. Между тѣмъ, въ слѣдующемъ своемъ письмѣ Салтыковъ вотъ что мнѣ написалъ:

... «Что у васъ есть очень живой талантъ, это не одно мое личное мнѣніе. Тургеневъ, который въ настоящую минуту здѣсь, тоже съ большой похвалой отозвался о вашей повѣсти».

И отъ Тургенева я получила письмо, въ которомъ онъ выразилъ желаніе познакомиться со мною, какъ авторомъ повѣсти: «Передъ разсвѣтомъ».

Нечего и говорить, что я была на седьмомъ небѣ и въ самомъ необычномъ положеніи. Московская интелигенція заинтересовалась мной, хлынулъ ко мнѣ притокъ новыхъ знакомствъ изъ литературной среды, которую я считала неизмѣримо выше своей среды.

Меня привѣтствовали, поздравляли, приглашали, и въ искренности людей, которыхъ я признавала лучше себя во всѣхъ отношеніяхъ, мнѣ не было причины сомнѣваться. Я всѣхъ уважала, слушалась, исполняла всѣ совѣты, и тѣмъ подготовляла себѣ много горя.

Какъ ни великъ былъ подъемъ моего духа, сообщавшій всему міру, всему человѣчеству, свѣтлую окраску въ моихъ довѣрчивыхъ глазахъ, не утратившихъ однако наблюдательности, я замѣчала, что письмо Салтыкова не на всѣхъ производитъ одно и то же впечатлѣніе, но всѣ почти съ волненіемъ его читаютъ. И волненіе это я приписывала радости отъ появленія новаго таланта на Руси. Не подозрѣвала я тогда, что многіе изъ моихъ новыхъ знакомыхъ ненавидѣли Салтыкова за то, что онъ браковалъ ихъ сочиненія, и не могло мнѣ придти тогда въ голову, что моя удача разожгла ихъ ненависть; я думала, что всѣ также, какъ я, поклоняются ему.

Равнымъ образомъ не могло быть для меня понятнымъ, что люди, смотрѣвшіе на меня, какъ на наивную, недалекую въ житейскомъ смыслѣ, не кончившую курса институтку, терялись отъ недоумѣнія передъ фактомъ моего преимущества въ данномъ случаѣ надъ людьми съ университетскимъ образованіемъ, съ большою эрудиціей и литературной опытностью. Профессора, ученые, тщетно пытавшіеся проникнуть въ «Отеч. Записки», принимали за тяжкое оскорбленіе предпочтеніе, оказанное Салтыковымъ, женщинѣ-недоучкѣ. Но ни о чемъ этомъ я не имѣла ни малѣйшаго понятія, и чѣмъ глупѣе поступала, тѣмъ сильнѣе чувствовали себя обиженными умные, и тѣмъ въ большей степени возростало ихъ недоумѣніе. Меня спрашивали: не было ли у Салтыкова какой-нибудь особенной причины такого небывалаго снисхожденія ко мнѣ? Не былъ ли онъ мнѣ близокъ или обязанъ чѣмъ-нибудь? И отказывались вѣрить, что я единственный разъ въ жизни видѣла его въ редакціи.

Одна, пришедшая со мной знакомиться, писательница почувствовала себя дурно за чтеніемъ его письма, и спросила стаканъ воды, который едва удержала въ дрожащей рукѣ, поднеся его къ своимъ побѣлѣвшимъ губамъ. Объяснивъ усталостью этотъ припадокъ, она призналась, что нисколько мнѣ не завидуетъ, напротивъ, очень рада за меня, «хотя готова бы отдать полжизни за счастье попасть въ «Отеч. Записки». Но увы: ея рукописи возвращаютъ ей оттуда непрочитанными». Какъ мнѣ хотѣлось раздѣлить свое счастье съ этой красивой и умной особой, внушившей мнѣ симпатію, и я тутъ же рѣшила написать о ней Салтыкову. Она между тѣмъ сообразила, что секретарь редакціи «Отеч. Зап.», покровительствуя мнѣ, вынудилъ Салтыкова написать мнѣ побольше любезностей, и пошла разсказывать объ этомъ. И, несмотря на то, что и секретаря я всего разъ видѣла въ редакціи, ей многіе повѣрили, потому что надо же было объяснить чѣмъ-нибудь такое необыкновенное событіе.

Возникли разнообразныя и самыя невѣроятныя предположенія и толки о моей особѣ, и каждый, судя по себѣ, приписывалъ мнѣ свои собственныя побужденія, намѣренія и поступки.

Кто-то почерпнулъ, видите ли, изъ достовѣрнаго источника извѣстіе, что Салтыковъ принадлежитъ къ тайной охранѣ, и по обязанности службы долженъ меня поддерживать, какъ одну изъ своихъ агентокъ.

Всѣ всполошились.

Либеральный профессоръ полицейскаго права въ одинъ прекрасный вечеръ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, но выраженіе негодующаго соболѣзнованія на его физіономіи и въ тонѣ подавило во мнѣ всякую способность привѣтствовать своего гостя. Онъ прочелъ мнѣ длинную мораль, но такъ иносказательно и тонко, что я ничего изъ нея не поняла. Я видѣла, что онъ подозрѣваетъ, обвиняетъ, укоряетъ меня въ чемъ-то необъяснимомъ, и качая головой, уходитъ, и я не нашлась сказать ему въ свою защиту ни одного слова. Въ глубокомъ недоумѣніи, теряясь въ догадкахъ, чѣмъ я могла заслужить неудовольствіе едва знакомаго человѣка, я находилась какъ въ туманѣ два или три дня. Приходили за это время ко мнѣ люди, и говорили что̀-то, какіе-то полунамеки, ехидныя инсинуаціи съ таинственнымъ значеніемъ, и глядя на меня, презрительно смѣялись.

Смутно чувствуя нестерпимую обиду, съ растеряннымъ видомъ, ничего не понимая, кромѣ незаслуженной вражды со стороны уважаемыхъ мною людей, я слушала ихъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и удивленіе мое переходило въ горе, въ страхъ. Холодный потъ проступалъ у меня на лбу.

— Да скажите, ради Бога, что̀ я сдѣлала?

Но они, не отвѣчая на мой вопросъ, переглядывались между собой съ тонкой улыбкой.

Минутами мнѣ казалось, что я сплю, и вижу непріятный сонъ. Непріятная дѣйствительность, между тѣмъ, изо дня въ день продолжалась, производя путаницу мыслей и ощущеній, разобраться въ которой было̀ тѣмъ труднѣе, что времени не доставало сосредоточиться въ себѣ, потому что ко мнѣ все приходили. Такъ какъ жизнь въ меблированныхъ комнатахъ, съ дверью въ проходной на два открытыхъ подъѣзда коридоръ, не гарантируетъ удобства не сказаться дома, то меня могъ видѣть всякій по своему желанію. Многіе любопытствовали на меня взглянуть, и кстати, по примѣру либеральнаго профессора полицейскаго права, заявить о своей гражданской доблести путемъ нанесенія непріятности одинокой, беззащитной женщинѣ подъ ея гостепріимнымъ кровомъ.

Я приходила въ отчаяніе.

— Что̀ я такое сдѣлала, скажите же мнѣ наконецъ!

Мнѣ сказали.

Я слишкомъ дорожила тогда мнѣніемъ людей, потому что слишкомъ велико было мое къ нимъ уваженіе, и велико было мое смиреніе передъ ними.

Въ состояніи крайней растерянности, я чуть не со слезами просила снять съ меня незаслуженное клеймо, но всѣ отъ меня отшатнулись—такое ужъ было тогда настроеніе. То было время паническаго страха за свою свободу. Каждый интелигентъ, даже безъ малѣйшаго пятна на совѣсти, былъ склоненъ видѣть въ каждой малоизвѣстной личности предательскія цѣли относительно себя, и не безъ основанія. Въ свою очередь и я съ большимъ опасеніемъ высказывалась или молчала по нѣкоторымъ вопросамъ передъ боявшимися меня новыми знакомыми; натяжка положенія и разговоровъ доходила до смѣшного въ обществѣ мыслящихъ и, внѣ такихъ условій, искреннихъ и смѣлыхъ людей.

Наконецъ, покойный публицистъ Приклонскій, принятый у А. В. Армфельдъ, жены бывшаго инспектора института, гдѣ я воспитывалась вмѣстѣ съ ея дочерью, Натальей, хорошо знавшей меня съ дѣтства, Приклонскій, разузнавъ обо мнѣ, горячо за меня заступился, и чуть не поколотилъ въ театральномъ ресторанѣ распространявшаго клевету либеральнаго профессора полицейскаго права, который съ тѣхъ поръ изъ преслѣдователя превратился въ моего покровителя, потому-что всѣ сразу вдругъ опомнились, и стали меня увѣрять:

— Никто ни въ чемъ не подозрѣвалъ васъ, это вамъ казалось. Вы очень мнительны.

Съ другой стороны, обращеніе со мной моихъ старыхъ знакомыхъ совершенно измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я вступила на литературное поприще, такое чуждое, далекое для большинства. Въ семьяхъ, гдѣ меня называли полуименемъ, приравнивая къ старшимъ дочерямъ, начали косо на меня поглядывать:—«пожалуй вы насъ опишете». Замѣтно стало до полной очевидности стѣсненіе въ моемъ присутствіи, пропала прежняя довѣрчивость, непринужденность, и въ разговорахъ начало проглядывать желаніе выказаться съ лучшей стороны. Какъ бы неумышленно и вскользъ упоминалось при мнѣ о своемъ собственномъ безкорыстіи, о своихъ добрыхъ дѣлахъ и либеральныхъ взглядахъ. Послѣдняя, вновь появившаяся, напускная черта непривычнаго и неумѣлаго либеральничанья особенно меня смущала въ извѣстныхъ мнѣ до того времени простыхъ, безхитростныхъ, милыхъ родителяхъ. Дремавшая въ нихъ, до той смутной эпохи, жажда честолюбія вдругъ разгорѣлась и ясно обнаружилось завѣтное ихъ поползновеніе цѣной чужого благополучія поправить свои дѣлишки; посредствомъ дѣланнаго «сочувствія» вызвать меня на откровенность, воспользоваться неосторожнымъ словомъ о моихъ новыхъ собратахъ, и предъявить куда слѣдуетъ свою благонамѣренность къ размѣну на выгодныя мѣста и повышенія. Фальшь, и самая грубая, неловкая комедія заслышалась въ словахъ, до того времени правдивыхъ, уважаемыхъ мною людей. И чего прежде не случалось, прекрасныя

своей естественной душевной свѣжестью, молодыя барышни начали жеманно говорить мнѣ шаблонныя тирады о высотѣ своихъ чувствъ и мыслей:—«вотъ, молъ, какими ты насъ опиши». Просто не выносима стала моя жизнь. Всего же отвратительнѣе сложились отношенія ко мнѣ дамъ зрѣлаго возроста. Въ несвойственномъ имъ умничаньѣ, придирчивомъ и скучномъ резонерствѣ, сказалось что̀-то до крайности враждебное ко мнѣ, что приводило меня въ замѣшательство. Родственница моя, губернаторша, особа пользовавшаяся всѣми благами жизни, властью и большимъ почетомъ, стало быть, особа внѣ всякаго подозрѣнія въ завистливыхъ чувствахъ къ кому бы то ни было изъ окружавшихъ ее, и всего менѣе ко мнѣ, ничѣмъ не обезпеченной работницѣ, вдругъ разъ вышла изъ себя по поводу моего безобиднаго замѣчанія объ интересовавшемъ меня личномъ моемъ дѣлѣ и воскликнула съ досадой:

— Что вы мнѣ колете глаза своимъ литераторствомъ! Я бы гораздо лучше вашего написала, еслибъ захотѣла, но не хочу!

Послѣ этого мнѣ стало ясно, что мои отношенія къ нелитературнымъ людямъ окончательно испорчены, и что слѣдуетъ мнѣ скрывать отъ нихъ какъ язву, какъ порокъ, свое писательство. Изолированность, обособленность моего положенія, тутъ только во всемъ ужасѣ предстали мнѣ: не у кого искать участія и совѣта, чрезвычайно необходимыхъ на моемъ новомъ поприщѣ.

Ко всему этому надо прибавить, что меня смѣшивали съ нѣкоей Венецкой, незадолго передъ тѣмъ стяжавшей громкую извѣстность уголовнымъ процессомъ въ качествѣ подсудимой за покушеніе на жизнь присяжнаго повѣреннаго Пржевальскаго, и мои новые знакомые, не знавшіе, какъ пишется моя фамилія, приставали ко мнѣ съ непріятнымъ вопросомъ: какимъ образомъ я рѣшилась на убійство. Утомительно и скучно было увѣрять ихъ, что не я прославилась такимъ жалкимъ путемъ. Все это, конечно, не могло способствовать благотворному настроенію моего духа. Въ постоянной тревогѣ, въ быстрой смѣнѣ самыхъ противоположныхъ ощущеній, растратила я много силъ; нервы мои разстроились, воля ослабла, я совсѣмъ потеряла себя. Чуткость и впечатлительность моя до такой степени обострились, что я утратила, такъ сказать, свою индивидуальность, и взамѣнъ получила способность отражать въ себѣ нравственный образъ каждаго, съ кѣмъ я входила въ соприкосновеніе. Съ хорошими людьми проявлялись хорошія стороны моей натуры, съ умными—откуда что̀ бралось у меня—такъ я прекрасно разсуждала,—съ глупыми несла чепуху, и сказать ли... низкій человѣкъ возбуждалъ во мнѣ охоту отплатить ему за низость низостью, и мнѣ стоило большихъ усилій подавлять въ себѣ такой порывъ. Эта способность отраженія чужой души до нѣкоторой степени навсегда во мнѣ осталась, но въ то время доходила до болѣзненнаго состоянія. И страданіе мое дохо-

дило до того, что по цѣлымъ днямъ я съ отвращеніемъ вынашивала въ себѣ некрасивую черту чужого характера, тщетно стараясь выбросить ее, досадовала на себя и раздражалась, и мучилась, и съ нестерпимой болью въ сердцѣ упрашивала невольнаго виновника своихъ мученій:

— Не будьте такимъ, это недостойно васъ, вы должны быть честны, благородны!

Надо мной смѣялись: странная какая! А мнѣ по инстинкту самосохраненія необходимо нужно было, чтобы люди, и главнымъ образомъ писатели, были именно такими людьми, какими я, не зная ихъ, представляла ихъ себѣ. Впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ ознакомленіи съ міромъ интелигентнаго пролетаріата, я увидѣла, что въ немъ сравнительно очень небольшое число искренно убѣжденныхъ людей по призванію берется за перо; многіе же чисто случайно, по знакомству и родству, избираютъ литературную карьеру, потому напримѣръ, что отецъ былъ издатель, братъ или мужъ составилъ себѣ литературное имя, такъ кстати ужъ и ничѣмъ не занятые члены его семьи, для увеличенія дохода, пробуютъ писать, пользуясь полной возможностью сбывать въ знакомые журналы, какъ удачныя такъ и не удачныя работы.

Но самое огромное большинство пишущихъ по дешовой цѣнѣ для маклаковъ-издателей состоитъ изъ людей только-что граматныхъ, ни къ какому дѣлу непристроившихся, неуживчивыхъ и не по разуму высокомѣрныхъ, или скомпрометированныхъ въ дѣлахъ чести неудачниковъ, гонимыхъ со всякаго другого поприща, и стремящихся прикрыть свое ничтожество общедоступнымъ званіемъ литератора, ибо ни одно званіе такъ безпрепятственно и такъ охотно не присвоивается. Рѣшительно никакого нѣтъ ограниченія для причисленія себя къ этому званію. Но ничего этого я тогда не знала, и не скоро могла разглядѣть.

Необходимо указать еще на ту особенность, что люди достойные изъ литераторовъ своей профессіей не кичатся, умалчиваютъ о ней передъ посторонней публикой и держатъ себя скромно и незамѣтно. Но стоитъ какому-нибудь отброску общества напечатать въ газетѣ корреспонденцію строкъ въ десять, какъ онъ уже громогласно заявляетъ о себѣ, спѣшитъ прибавить на своей визитной карточкѣ, что онъ сотрудникъ такого-то «Листка», ломается, стараясь обратить на себя вниманіе въ публичномъ мѣстѣ, вступаетъ въ разговоръ съ знакомыми и незнакомыми черезъ весь столъ въ кухмистерской или ресторанѣ, пересыпая свою рѣчь, въ которой обнаруживаетъ передъ всѣми свое умственное убожество, словами: «у насъ въ редакціи... у насъ въ печати... мы, русскіе писатели» и проч.

И вотъ, сталкиваясь съ такими-то подонками человѣчества, я блѣднѣла отъ стыда и ужаса. Въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ

я жила въ Москвѣ, на Моховой, въ домѣ Скворцова, водворился принадлежащій къ этой послѣдней категоріи «русскій писатель», принеся въ рукахъ, по увѣренію свидѣтелей, небольшой узелъ съ имуществомъ, а черезъ нѣкоторое время заявилъ полиціи, что у него похищены изъ незапертаго комода вещи на сумму болѣе двухсотъ рублей. Содержатель нумеровъ, чтобы спасти безупречную репутацію своей фирмы и прислуги, поспѣшилъ замять дѣло, вручивъ «потерпѣвшему» сто рублей съ настоятельной просьбой о немедленномъ выѣздѣ. Тогда совершенно незнакомый мнѣ «потерпѣвшій» явился ко мнѣ требовать очень назойливо, чтобы я вступилась за его честь, за честь «собрата по перу», и сняла съ него подозрѣніе въ мошенничествѣ. И такъ какъ мнѣ ничего не оставалось, кромѣ помощи коридорныхъ, для избавленія себя отъ его присутствія, онъ пригрозилъ мнѣ, что постарается разнести обо мнѣ такую клевету, которая не смоется съ меня до самой смерти. «Писатель» этотъ, какъ я послѣ узнала, началъ свою карьеру съ описанія тюрьмы, въ которой онъ содержался за подлоги. Нельзя выразить до какой степени поражали меня, идеалистку, подобныя явленія. Пробовала я не вѣрить своимъ впечатлѣніемъ, объяснять себѣ видѣнное и слышанное въ хорошую сторону... Но, разочаровываясь на каждомъ шагу, я очень страдала. Ни минуты я не была покойна. Съ хорошими людьми я оживала, разцвѣтала, съ отрадой чувствуя въ себѣ ихъ свойства, и радостная, возбужденная, я благородно порывалась къ нимъ.

— Какъ вы добры, какъ хороши,—нечаянно слетало у меня съ языка,—спасибо вамъ...

— За что̀?!

— За то, что̀ вы вообще... честные люди...

Я отлично сознавала, что болтаю вздоръ, но это доставляло мнѣ удовольствіе, когда мнѣ было весело.

Они удивлялись, и сравнивали меня съ «Идіотомъ» Достоевскаго. И спрашивали: не было ли у меня падучей болѣзни?

— Нѣтъ, никогда не было. Но вы мнѣ нравитесь, и мнѣ пріятно это вамъ сказать.

Въ подобномъ состояніи я готова была все отдать, все уступить за удовольствіе чувствовать себя безпредѣльно доброй. Вообще я скупостью не отличалась никогда, поэтому всего болѣе возмущала меня скаредность, мелочность, хитрыя уловки изъ-за пяти копѣекъ въ томъ бывшемъ мнѣ до того времени мало извѣстномъ мірѣ интелигентнаго пролетаріата, въ который я окунулась съ головой, въ силу неизбѣжной необходимости, отставая отъ прежнихъ знакомствъ. Послѣ привычной для меня щедрости и джентельменства на показъ среды съ кодексомъ воспитанія: noblesse oblige, гдѣ изъ уваженія къ себѣ и своему положенію стремятся осчастливить, облагородить все, къ чему случайно прикасаются, поражало меня

въ этомъ мірѣ отсутствіе самой простой порядочности, какъ мнѣ тогда казалось. Языкъ и манеры меня шокировали, и я съ участіемъ почти материнскимъ останавливала молодыхъ ученыхъ тружениць.

— Не махайте руками. Что̀ за выраженіе!

Онѣ же отвѣчали мнѣ съ презрѣніемъ:

— Фи, какая вы аристократка!

Мужчинъ приходилось просить снимать фуражку въ комнатѣ, не плевать и не разбрасывать окурковъ.

— Какая вы избалованная прихотница,—отвѣчали они мнѣ.

Имъ казалось, что они дѣлаютъ мнѣ честь своимъ знакомствомъ, а я думала, что снисхожу до нихъ, и мы никакъ не могли столковаться.

Теперь, если я вижу непріятнаго человѣка, я думаю про себя: пусть онъ и обнаруживаетъ передъ всѣми дряблость и мизерность своей натуришки, грубость и пошлость своихъ взглядовъ, а тогда я была добра и я «указывала», со всею искренностью желая всѣмъ исправленія для ихъ собственной пользы:

— Какъ вамъ не стыдно! Двугривенный для васъ дороже собственнаго достоинства...

— Двугривенный деньги,—отвѣчали мнѣ.

— Нельзя такъ говорить и поступать. Это неблаговидно, некрасиво...

— Сами-то вы хороши! Тутъ выставлялась мнѣ на видъ моя причудливость, безпечность, нерасчетливость, непрактичность и многое множество моихъ недостатковъ.

Но недостатки мои, полученные въ наслѣдство отъ родителей, которыхъ я любила, казались мнѣ гораздо извинительнѣе по сравненію съ чужими, какъ равно и всякому свои недостатки кажутся чуть ли не достоинствами. Но покуда я до этого додумалась, покуда я не поняла, что нравственность, которую я, по обязанности, внушала своимъ ученикамъ, дворянскимъ дѣтямъ, неприложима въ мірѣ самоучекъ, недоучекъ и даже людей съ высшимъ образованіемъ и крупнымъ заработкомъ, но вышедшихъ изъ среды квартальныхъ, лавочниковъ и дьячковъ, не знающихъ и не дающихъ другого воспитанія, кромѣ ничѣмъ незамаскированнаго умѣнья брать отъ людей возможно больше, и ничѣмъ своимъ не поступаться въ пользу ближняго, покуда неизбѣжность всего этого не выяснилась для меня, я не переставала всѣхъ вооружать противъ себя своимъ протестомъ. Я говорила, что не смѣю больше приглашать дорогихъ гостей, покуда не сочтусь съ ними визитами. А они шли ко мнѣ безъ приглашенія, и располагались въ моей единственной комнатѣ, какъ у себя дома. Тогда я рѣшалась для нихъ выразиться удобопонятнѣе.

— Что вы все приходите ко мнѣ, вѣдь я къ вамъ не хожу.

И мнѣ отвѣчали съ удивленіемъ:

— Какая вы рѣзкая... потому что неожиданная рѣзкость во мнѣ такъ и бросалась имъ въ глаза, а своей они не замѣчали, свыкнувшись съ нею ужъ давно,—и такимъ путемъ слагалась моя репутація.

Одна образованная и умная еврейка, которая, кстати сказать, исповѣдуя религію по закону Моисея, занималась пашковской пропагандой, за что̀ и пользовалась солидной протекціей, очень интересовавшая меня особа, угощая меня, спросила: «съ молокомъ я буду чай пить или съ лимономъ»,—и когда я сказала: «съ молокомъ»,—схватила молочникъ, сняла съ него въ свою чашку устой и облизнула ложку, тою же ложкою помѣшала въ молочникѣ, и передала его мнѣ. И на мое заявленіе: «нѣтъ, ужъ лучше я съ лимономъ выпью», она съ соболѣзнованіемъ замѣтила:

— Какая вы обидчивая.

Обидчивость моя была констатирована еще тѣмъ обстоятельствомъ, что кому-то я написала при своемъ адресѣ свое имя и отчество, такъ какъ, имѣя двухъ однофамилицъ, сталкивалась съ ними и съ почтальонами изъ-за пропажи адресованныхъ мнѣ писемъ, попадавшихъ къ нимъ. Изъ этого было выведено заключеніе, что я желаю величаться по имени и отчеству даже въ дѣловой перепискѣ съ незнакомыми. И въ то же самое время другіе наоборотъ утверждали, что, окружая себя учащейся молодежью, не дѣлавшей мнѣ исключенія въ своемъ обыкновеніи всѣхъ называть по фамиліи, я ставлю себя на одну ногу съ молодежью, чтобы казаться моложе своихъ лѣтъ. Вѣроятно, изъ такихъ же нелѣпыхъ толковъ составляются характеристики и замѣчательныхъ людей, вотъ почему я никогда не вѣрю біографіямъ.

Какъ бы то ни было, а не смотря на многія недоразумѣнія, я все болѣе сближалась съ новымъ для меня міромъ, и понемногу, незамѣтно для себя, при нервозно-чуткой воспріимчивости, усвоивала его манеры и языкъ. Больше всѣхъ нравилась мнѣ очень добрая и симпатичная поповна съ высшимъ образованіемъ, но такая невоспитанная, что если вздумается ей бывало приласкаться, она возьметъ, да мазнетъ меня ладонью по лицу, или запуститъ пальцы въ мою прическу.

— Вамъ бы лошадей по мордѣ гладить,—замѣтишь ей, невольно попадая въ ея тонъ,—или трепать по головѣ собакъ, а съ людьми вы неумѣете себя держать.

— Какая вы недотрога,—грустно вздохнетъ поповна.

Стала она частенько приходить ко мнѣ въ двѣнадцать часовъ ночи, когда ужъ я въ постелѣ, не принимая во вниманіе ни моихъ тонкихъ, ни прозрачныхъ намековъ, ни прямой просьбы не безпокоить меня въ такой поздній часъ. Придетъ и громкимъ стукомъ въ дверь встревожитъ первый сонъ, разстроитъ меня, и удивляется,

что я непривѣтливо на нее смотрю. И каждый разъ бывало скажетъ:

— А я думала, что вы еще не спите, и зашла.

— По какой-нибудь исключительной надобности въ такую пору?

— Нѣтъ, просто повидаться въ вами.

Въ концѣ концовъ, я вышла изъ терпѣнія и прогнала ее формально. Она пошла разсказывать, что на меня «находитъ»: всегда была гостепріимна, и вдругъ ни съ того, ни съ сего... А такъ какъ не одна добрая поповна надоѣдала мнѣ своей безтактностью, то не одна она и говорила такъ обо мнѣ. Я была совершенно одинока и въ этой средѣ, гдѣ не имѣла ни единаго доброжелателя, не съ кѣмъ было мнѣ провѣрить своихъ впечатлѣній и разобраться въ нихъ. Между тѣмъ, каждое мое слово обсуждалось сообща и перетолковывалось каждымъ по своему, что ставило меня внѣ всякихъ законовъ человѣческаго общежитія. Все, что̀ принято называть низостью по отношенію ко всякому другому человѣку, примѣнялось ко мнѣ открыто и въ широкихъ размѣрахъ, даже письма мои передавались изъ рукъ въ руки, коментировались каждымъ по своему и употреблялись мнѣ во вредъ. Да то ли еще бывало... Когда же мнѣ удавалось уличить кого-нибудь въ недобросовѣстности противъ меня, то, не смотря на очевидность факта, мнѣ обыкновенно отвѣчали:

— Это вамъ кажется, вы мнительны, вы болѣзненно подозрительны, вы душевно больны.

И такъ какъ въ своемъ беззащитномъ одиночествѣ нерѣдко становилась я объектомъ недобросовѣстныхъ поступковъ, и совершавшіе ихъ въ предупрежденіе непріятной для себя огласки спѣшили всюду заявить о моей якобы ни на чемъ не основанной подозрительности, то и честными людьми было заглазно рѣшено, что я душевно больная. А въ больную душу всякій вправѣ безцеремонно залѣзать и зондировать ее съ научнымъ любопытствомъ. Искали, искали, и никакъ не могли найти пункта моего помѣшательства.

— Вы геній,—говорили мнѣ, пристально вглядываясь въ мои глаза,—«давно ужъ не было въ русской литературѣ такой правдивости и свѣжести», какъ ваша.

Съ нескрываемой горечью цитировались мнѣ изъ письма Салтыкова слова, глубоко уязвившія всѣхъ тѣхъ, къ кому онѣ не относились.

— Вы непосредственная высшая натура,—говорили мнѣ,—вы самородокъ, вамъ нѣтъ необходимости читать и развиваться, всякое знаніе вами воспринято съ рожденія, вы геній... ха-ха!

Ироническій хохотъ пугалъ меня своей жестокостью, и я упрашивала:

— Пощадите. Вѣдь я ни въ чемъ не виновата передъ вами.

Нашлись добрые люди, и объяснили мнѣ мою вину.

— Герои вашей повѣсти «Передъ разсвѣтомъ», являя изъ себя типы новыхъ людей, выразителей самаго серьезнаго движенія въ Россіи, вышли слабы, незрѣлы умомъ, слишкомъ несовершенны для подвига самопожертвованія, поэтому писательство ваше безусловно вредно для общества.

Изреченіе это смутило меня до упрековъ совѣсти. Въ то смутное, переходное время я насмотрѣлась сценъ глубокой горести въ семьяхъ, лишонныхъ своихъ любимыхъ членовъ, отчаянные вопли матерей, сестеръ, во мнѣ запечатлѣлись съ такой силой, что всякій крикъ мнѣ ихъ напоминалъ. Всѣмъ своимъ организмомъ я ощущала потребность въ перемѣнѣ впечатлѣній, поэтому рѣшила ѣхать за границу, и отправилась въ Парижъ, какъ для свиданія съ Тургеневымъ, такъ и для того, чтобы узнать, и возвыситься до пониманія «выразителей самаго серьезнаго движенія» въ Россіи, бѣжавшихъ туда изъ ссылки и тюрьмы, русскихъ эмигрантовъ. И первыя слова о нихъ, услышанныя тамъ отъ содержательницы отеля, въ которомъ я остановилась, была такого рода аттестація:

— Если къ вамъ будутъ ходить русскіе эмигранты, я вынуждена буду отказать вамъ отъ комнаты, потому-что изъ одного отеля они унесли всѣ выставленные на ночь въ коридоръ для чистки сапоги, поставивъ тѣхъ изъ квартирантовъ, у кого только одна пара обуви, въ безвыходное положеніе. Ah, les gredins! Sales bêtes, и проч. . . . .

Послѣ знакомства съ Тургеневымъ, я начала излечиваться отъ наклонности къ идеализаціи, инстинктивно впадая въ противоположную крайность. Понемногу, медленно, годами, разрушался мой внутренній міръ съ ожиданіемъ отъ людей только хорошаго, и я страдала, покуда онъ не отожествился съ внѣшнимъ міромъ, покуда я ни взглянула настоящими глазами на весь родъ человѣческій съ его слабостями и грѣхами, достойный все-таки участія и уваженія. Много пришлось мнѣ прочесть, продумать, пережить, покуда я не успокоилась, и стала равнодушна ко всему.

Все, что̀ меня возмущало прежде, я стала принимать какъ неизбѣжное не по отношенію лично только къ себѣ, а по отношенію ко всякой другой личности въ моемъ положеніи, и я безъ тѣни непріязни внимательно обдумывала то, что̀ лежитъ въ основѣ каждой несправедливости ко мнѣ.

Усидчивые, но лишенные дарованія, мои собраты-труженники пріобрѣтали знаніе цѣной мучительныхъ усилій, тратили жизнь на неусыпную работу и борьбу съ равными для достиженія хоть половины того успѣха, какой достался мнѣ легко съ перваго шага, и я сознаю, насколько они правы съ своей точки зрѣнія, что я не стоила его, такого незаслуженнаго, громкаго успѣха. Ни на кого и ни за что̀ ужъ я сердиться не могу.

Стараясь окрѣпнуть волей и характеромъ, я принуждала себя быть выше чужого мнѣнія, никѣмъ и ничѣмъ не дорожить, кромѣ покоя своей совѣсти, впадая при началѣ въ крайности. Тѣмъ, кому хотѣлось меня очернить, оклеветать, я сама доставляла на то возможность; тѣмъ, кому нужно было подкопаться подъ меня, я спѣшила дать орудіе противъ себя, и этимъ пользовались. Я говорила себѣ, что если у меня есть талантъ, то несмотря на матеріальныя и нравственныя тяготы, онъ скажется, а если его нѣтъ, или онъ такъ ничтоженъ, что заглохнетъ въ житейскихъ испытаніяхъ, то не стоитъ и щадить меня. И время отъ времени я пробовала себя на маленькихъ работахъ. Въ ноябрѣ 1882 года въ «Отечественныхъ Запискахъ» явился мой разсказъ «Ни дна ни покрышки» и былъ тогда многими признанъ мой талантъ, но только «чрезвычайно вредный и опасный для идеи, потому что онъ отличается свойственной Гоголю особенностью: имена героевъ дѣлаются именами нарицательными, и это тѣмъ вреднѣе и опаснѣе, что я окарикатуриваю новыхъ людей, выразителей самаго серьезнаго движенія». Такое мнѣніе было высказано мнѣ въ глаза и съ достаточной ясностью выражено въ критикѣ одного поэта изъ евреевъ (газета «Русскій Курьеръ», 1882 года 23-го ноября № 323), принявшаго на счетъ всей своей націи неуважительный отзывъ о жидѣ-ростовщикѣ, сказанный устами героини моего разсказа (См. объясненіе въ журналѣ «Наблюдатель» 1887 года январьская книжка статья: «Новыя книги», страница 32, пять послѣднихъ строкъ).

Однимъ изъ безчисленныхъ способовъ воспрепятствовать развитію зловреднаго таланта были попытки навязать, внушить мнѣ самой идею о моемъ якобы умопомѣшательствѣ, что послужило мнѣ мотивомъ для разсказа: «Улиткино дѣло», напечатаннаго въ «Новомъ Времени», въ 1886 году.

Въ числѣ прочихъ ревнителей прогресса, и плодовитый, но неизвѣстный белетристъ, два года просидѣвшій въ сумасшедшемъ домѣ съ энергіей достойной лучшаго назначенія хотѣлъ насильно меня сдѣлать сумасшедшей.

— Лечитесь, лечитесь,—уговаривалъ онъ меня,—вы больны. Вы вообразили себя талантомъ, и сами себѣ пишите письма отъ знаменитыхъ писателей; ради Бога лечитесь, пока не поздно...

Зловѣщій тонъ его звучалъ такой убѣдительной настойчивостью, что на мгновеніе я было усомнилась: не сама ли я, въ самомъ дѣлѣ, написала себѣ письмо Салтыкова, и не представилось ли мнѣ все, что̀ со мной произошло съ нѣкоторыхъ поръ.

Но изъ всѣхъ подобныхъ впечатлѣній, быстро смѣнявшихся и не оставлявшихъ во мнѣ глубокого слѣда, только сознаніе зловредности моего таланта подавляло меня невидимымъ тяжелымъ гнетомъ. Живая мысль, живое слово, меркли подъ опасеніемъ: не повредить бы кому-нибудь своимъ писательствомъ, и я глушила ихъ

въ себѣ. Потомъ съ натяжками и подтасовками усиливалась выжать изъ себя сочиненіе «для-ради блага» общества, и удивляюсь, какъ доставало у меня дўху показывать такую чепуху редакторамъ. Весь тогдашній составъ журнала «Дѣло» съ Шелгуновымъ во главѣ, потративъ не мало времени на тщательное и безпристрастное разсмотрѣніе плохой моей, вялой и очень нелѣпой работы, пришелъ къ заключенію и объявилъ мнѣ, что у меня нѣтъ таланта. Я и прежде довольно равнодушно выслушивала разнообразныя сужденія о своемъ талантѣ, какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ меня, неожиданно и легко пріобрѣтенномъ, какъ о своей принадлежности, потеря которой не особенно огорчила бы меня. А тутъ я даже была довольна: по крайней мѣрѣ никому не поврежу.

Долго послѣ того не бралась я за перо, но мнѣ хотѣлось писать, и я спросила разъ Надежду Дмитріевну Заіончковскую (Крестовскій псевдонимъ).

— Неужели они считаютъ меня въ силахъ повредить ихъ тенденціи?

Она мнѣ отвѣчала:

— Вздоръ. Похвала Салтыкова вамъ вредитъ. Какъ разъ всѣ ненавидящія его посредственности и бездарности завладѣли печатью, и мстятъ вамъ за него, и еще болѣе мстятъ ему въ вашемъ лицѣ, къ тому же, не желая быть глупѣе Салтыкова, отвергаютъ признанный имъ талантъ, а признаютъ непризнанныхъ имъ, то-есть другъ друга и самихъ себя. А вы носились съ его письмомъ къ его врагамъ. Вы, вѣрно, зависти никогда не испытали, что не боитесь ее возбуждать. И, расчитывая на справедливость и великодушіе людей, которые внутренно смѣются надъ этими словами, вы кажетесь имъ просто-таки сумасшедшей. Умопомѣшательство такое заурядное явленіе въ литературномъ мірѣ, что каждый почти литераторъ склоненъ видѣть сумасшедшаго въ другомъ, не похожемъ на себя. И меня называли сумасшедшей, и Толстого, и Достоевскаго, и Гоголя, и Шопенгауера, да мало ли кого... И кто же называлъ, и называетъ? Всякій мѣднолобый борзописецъ, лишенный отъ природы нравственнаго чутья, стремящійся, не разбирая средствъ, забрать въ свои руки печать, съ безсмысленной и безпощадной завистью, пролазничествомъ, клеветничествомъ, интригами загромождая въ нее путь всякому живому дарованію. Увидите, что настанетъ скоро царство нравственнаго идіотизма и помутившагося разумомъ большинства.

Такъ говорила мнѣ Надежда Дмитріевна, и въ словахъ ея, конечно, было много преувеличеннаго, потому что она пессимистически смотрѣла въ особенности на литературную среду, гдѣ истинно хорошія, высокоразвитыя личности, по своей скромности и нравственной брезгливости, держатъ себя слишкомъ изолированно, поэтому вліяніе ихъ очень слабо.

А. Виницкая.